

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №3, Том 11 / 2020, No 3, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK320.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Проскуряков М.Р. Евангельские сюжеты в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK320.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Proskuriakov M.R. (2020). Gospel stories in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK320.pdf> (in Russian)

Исследование выполнено в "SCHOOL OF FOREIGN LANGUAGES AND LITERATURE SHANDONG UNIVERSITY"

УДК 82

Проскуряков Максим Русланович

Shandong university, Шаньдун, Китайская Народная Республика

School of foreign languages and literature

Профессор

Доктор филологических наук

E-mail: mpros@yandex.com

Евангельские сюжеты в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Аннотация. На современном этапе предметом многочисленных исследований становятся доминантные аспекты трансформации евангельских сюжетов и образов, особенности их функционирования в литературном контексте. Проблема использования евангельских сюжетов в художественной литературе приобретает актуальность в новых социокультурных условиях. Многоплановая универсальность евангельского сюжетно-образного материала становится основой возникновения новых литературных версий новозаветных событий, что дает возможность каждый раз переосмысливать значимость библейского наследия. Многозначность семантики традиционных структур служит материалом для исследования многих современных литературоведов, философов и культурологов.

Цель исследования – анализ использования сюжетов Нового Завета в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В статье исследуется многозначность традиционных сюжетов, образов и мотивов, представлен процесс творческой литературной обработки в различные структурно-смысловые связи в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Установлено, что обращение к библейской тематике, вплетение евангельских мотивов и сюжетов в произведение составляют важнейшую смыслообразующую данного произведения.

На конкретных примерах анализируется образность романа в контексте евангельских аналогий, установлено присутствие в произведении непосредственно евангельских образов и текстов. Установлено, что в текстах Ф.М. Достоевского присутствуют, казалось бы, несочетаемые вещи: криминальные истории с евангельскими легендами, авантурный сюжет с проповедью, мелодраматичность и натурализм, философские размышления и пастырские поучения. За всем этим проступает реальная духовная глубина человека, реальное отношение к Богу, реальные идеи, которыми живут герои.

Ключевые слова: евангельские сюжеты; аналогии; художественно-стилевые включения; многозначность образов; антропонимы

Введение

Евангельская картина мира является одной из «величайших и самых трагических художественных моделей, которые когда-либо создавались цивилизацией. Литературные трактовки евангельских «историй» своеобразно «проверяют» истинность новозаветных процессов» [1, с. 222]. Трудно представить развитие европейской литературы и искусства в период последних двух тысячелетий без этой группы сюжетов.

Поздние романы Ф.М. Достоевского поражают религиозным откровением и последовательным христианским мировоззрением, что дидактически воплощается в текстах писателя, вхождение в которые всегда вызывает множество ощущений и мыслей. И прежде всего, читатель как будто находится в состоянии некоторой дезориентации от интригующих и усложненных сюжетных лабиринтов, его привлекают дуалистично-оппозиционные образы и полисемантические символы, ключ к пониманию которых следует искать в Библии, из корпуса текстов которой писатель активно прорабатывал и творчески интерпретировал различные сюжетные линии образы, что мы и попытаемся показать в этом исследовании.

Не требует доказательства тот факт, что писателю было тесно в рамках реалистической поэтики, принципы которой не апеллируют к творческому духу, который «стирает грани между эпохами, странами, народами, поэтическими жанрами» [2, с. 57]. М. Бахтин также говорил о «враждебности и чуждости» Достоевскому особого типа афористического мышления, созданного литературой классицизма и эпохи Просвещения [1, с. 110], которые принадлежали к ренессансно-реалистической культурной парадигме. Видимо, недаром самый сложный персонаж Ф. Достоевского Иван Карамазов упрекает младшего брата в том, что он избалован современным реализмом и не любит ничего фантастического [3, с. 275]. В произведениях писателя, по мнению М. Бердяева, как раз и нет ничего ренессансного, там чувствуются религиозные боль и мрак, стремление света и освобождение человеческого духа через страдания [4, с. 36–37].

Р. Назиров говорит о смелом скрещении в творчестве Ф. Достоевского мифа, Библии и романтизма, которые подорвали реалистическую форму. Все чаще звучат мнения о том, что иллюзорность воображаемого мира романов будто становится предвестником символизма, а экспрессивность, мифологизм, обращение к религиозности сближает творчество Достоевского с литературой модернизма. Все это касается преимущественно поздней романистики писателя, что было спровоцировано перестройкой сознания Ф.М. Достоевского в годы каторги и солдатчины, когда он начал для себя искать то вечное и непоколебимое, которое объединяет людей независимо от социального, национального и религиозного факторов. Этими константами бытия для мыслителя стали Библия и Христос [5, с. 190–191].

При всей тематической, композиционной, образной усложненности поздних произведений Ф.М. Достоевского в них почти дидактически выписаны идеалы писателя: идеал человеческой личности – Христос, а также общественный идеал «не народ, а Церковь», то есть, по определению В. Соловьева, нравственное совершенствование, воплощение Христовых заповедей, духовное братство при сохранении социального неравенства состояний [6, с. 301–302].

Переосмысление, преломление главной, высшей идеи в самосознании различных индивидов и определяет интеллектуальную полифонию романов Ф.М. Достоевского, их априорную конфликтность. Именно «драма идей» является точкой сближения произведений Ф. Достоевского с литературой нереалистического типа, где наиболее значимым компонентом

формально-смыслового единства является «идея». Вплетение евангельских историй для подчеркивания идеи связанности поступков человека и страданий Иисуса Христа можно считать необходимым условием развертывания религиозного текста Ф. Достоевского, центральной темой которого является путь от греха, неверия в наказание, покаяние и прощение. То есть писателя больше интересует движение героя из морока ада к свету найденного рая, реальным воплощением которого для жаждущей души становится вера, надежда и любовь. Недаром же существует взгляд на романы Ф. Достоевского последнего периода как на драмы-мистерии [7], призванные утверждать веру в Христа, прославлять его Церковь. Главным же семантическим центром поздней романистики писателя можно считать Священное Писание, апокрифы и жития святых, в которых размышления о главных локусах христианского мира, рае и аде, занимали видное место.

Изложение основных результатов исследования

В русском культурном сознании, в котором сформировался и которое формировал Ф.М. Достоевский, оказался чрезвычайно устойчивым и долговечным идеальным образ рая, что укоренился в древнерусской литературе именно благодаря евангельским текстам.

Рай, ностальгия по которому имплицитно присутствует в христианстве, возможен в безвременности, куда герои Достоевского иногда мгновенно переходят во время эпилептического приступа или сна, то есть в состоянии уничтожения времени и истории (падение) и возврата первобытности, естественности человека [8]. В стилизованной под Средневековье легенде о рае, что была пересказана нечистым Ивану Карамазову, в которой последний опознал свое раннее произведение, главный герой, мыслитель-атеист, не признавал жизни после смерти и намеревался, встретив ее, попасть сразу напрямиком в ад. И ему присудили пройти во мраке квадратион километров после чего он мог рассчитывать на прощение и жизнь в раю. Но грешник не хотел идти этим путем и принципиально пролежал посреди дороги тысячу лет. И когда он все же прошел это расстояние и попал в рай, то за пару секунд почувствовал такой неопишуемый восторг, что кардинально изменил свои убеждения, чем даже вызвал осуждение обитателей рая [3, с. 655–656].

Как прообраз рая можно рассматривать скит, в котором живут старец Зосима, идеальный христианин, и еще около двадцати монахов, к которым можно попасть лишь через одни ворота, топос которых чрезвычайно важен в евангельских текстах. Ворота обеспечивают взаимодействие между разными пространственными уровнями евангельского произведения, через них происходят изгнания и возвращения. Лишь преодолевая на пути различные препятствия, например, дорогу через лес, можно было добраться до их обители и оказаться в царстве цветов, без которых не представляется рай. Уподобление же некоего пространства райскому саду на горе, имеющему лишь один выход, было распространено в евангелиях.

В христианской традиции праведность, совершенство, откровения являются световыми явлениями. Свет является символом Божьего царства; правды, моральной чистоты, радости, неопишуемой славы, благодатного и освященного места. В буквальном же смысле свет – атрибут Бога [8]. Алеша Карамазов встречает Христа-Солнце, которого боится и не решается смотреть, в своем видении – сне о Кане Галилейской. А потом у него горело сердце, что-то наполняло его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души... [3, с. 383]. Этот знак помог юноше понять направление своего жизненного движения, понять его ценностные координаты.

Момент обращения героя на путь, указанный Богом, ощущение правильности выбора между добром и злом передается через световые образы. Так, Зиновий (отец Зосимы) в минуты мучительного осознания своей вины перед всеми людьми, а в частности перед слугой Афанасием и противником-дуэлянтом, обращает внимание на солнечный свет за окном, на

листочки, радуются солнцу и, конечно, на восхваляющее Бога пение птичек. То есть, автор введением ассоциативного образа рая указывает на истинность выбора героя [3, с. 321].

Таким образом, Ф. Достоевский использовал определенные евангельские образы, в частности, световые, для помощи читателю в расстановке верных акцентов в его сложном интеллектуальном и эмоционально насыщенном текстовом плетении.

Среди посмертных подтем, характерных для евангелических текстов, больше всего выделяется одна – нетленность тела, которая в произведении русского писателя получает противоположное традиционному внешнее выражение при идентичном сущностном наполнении, то есть прославлении праведника. Возможно, автор фактом брэнности тела хотел подчеркнуть ту угрозу, которую несет огонь духовного растрепания, которое приумножается в обществе ежечасно, идя сверху, как считал старец Зосима [3, с. 337].

Анализируя события, связанные со смертью отца Зосимы, сразу же мысль рядом ставит и тезисы «Легенды о Великом Инквизиторе», где представлено начало тех процессов, которые можно охарактеризовать как отход церкви от Бога, как игнорирование главного постулата христианства – свободы выбора. Причем, произведение Ивана Карамазова «Легенда о великом инквизиторе» по форме и смысловому наполнению вообще может считаться апокрифическим евангелием о втором пришествии Христа, безграничная любовь которого не очень нужна тем, ради кого он пошел на муки. Кстати, как апокрифический текст о втором пришествии Князя Христа, которого не увидели и не услышали на земле, прочитывается и роман «Идиот». Вообще произведения Ф. Достоевского предоставляются к нескольким жанровым интерпретациям, в частности, на них накладывается матрица мистерий или моралите, житий святых и апокрифов и тому подобное.

Еще одним обращением к евангельским символам можно считать последний эпизод романа – речь Карамазова у камня после похорон Илюши Снегирева. В библейских текстах полисемантический символ камня указывает на Божье присутствие. Таким образом, можно выделить несколько групп образов, связанных с символикой камня. Во-первых, это священные камни Ветхого Завета, действенность которых зависит от воли Божьей. Еще одним образом в этом контексте является Христос как краеугольный камень Божьего жилья, а христиане – как живые камни, которые приобщаются к строительству духовного дома. Надо вспомнить еще и о прозвище Кифа (камень), которое дал Христос своему ближайшему соратнику Симону, ставшему впоследствии апостолом Петром (греч. Пётрос – камень).

Алеша клянется вместе с мальчиками, которых называет голубчиками, хорошенькими сизыми птенцами, быть добрыми и честными, смелыми и умными, не забывать друг друга после очень скорого прощания, делать как можно больше добрых дел [3, с. 782–783]. Итак, Алеша в неординарной ситуации искренне клянется у камня, символизирующего прочность веры, основу основ христианства, в присутствии детей-голубей, которые являются символическим выражением любви Божией и Духа Святого.

В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский широко использовал функциональные и эмоциональные возможности снов. Сны бывают от Бога, в которых речь идет об откровении будущего, а иногда от его антипода, когда говорится о позорном видении или провоцировании к оказанию зла. Иногда сны приходят, посланные самим человеком, его пережитыми страхами и надеждами [9]. У Ф. Достоевского преобладает, как отмечал М. Бахтин, кризисная вариация сна [1], ибо исключительная ситуация способствует «испытанию идеи и человека идеи».

В «Братьях Карамазовых» кризисность сна еще более выразительна, различные мысли и чувства в снах-видениях героев постепенно обостряются для более объемного представления основной идеи произведения. Эту главную мысль можно сформулировать со слов «ночного

посетителя» Ивана Карамазова: разрушение у людей идеи о Боге приведет к изменению традиционного мировоззрения и морали новыми потребительскими ценностями, основой которых будет осознание мгновения жизни, игнорирование совести, веры в царство небесное, воскресение, вечную любовь [3, с. 661]. После таких изменений с людьми уже можно делать все, что угодно. И так, все сны в романе так или иначе отражают идею о невозможности существования общества без Бога. Сны героев романа часто являются путем доступа к Богу, случаем побыть с ним в непосредственном контакте [9].

Испытанием высшей идеи и веры является сон Алеши Карамазова о Кане Галлилейской, в котором словно в магическом кристалле отразились основные проблемы и конфликты, затронутые в романе. Сон Дмитрия Карамазова про голодное и холодное дитя становится спасением для него, потому что освобождает от эгоистических переживаний и наполняет существование высшим смыслом, который заключается в том, чтобы сделать счастливыми мать и дитя [3, с. 523]. Сны-видения старшего и младшего братьев являются той просветляющей силой, которая направляет их на путь служения Богу и людям. Таким образом, «Кана Галилейская» Алеши и «Дитя» Дмитрия становятся точками невозврата уже с пути веры, покаяния и искупления.

В христианском библейском контексте интересно посмотреть на фамилию Карамазов, которую имеют главные герои романа. Как считает Т. Бондаренко, «Карамазов» относится к литературным фамилиям, символическое содержание которых относится к сфере того, что трудно объяснить, но таких, которые при тщательном анализе все же поддаются расшифровке, хотя и становятся определенным камнем преткновения для ученых. Вероятным является то, что первая часть антропонима происходит от тюркского «кара» (черный). Недаром жена Снегирева переименовывает эту фамилию в «Черномазов» [3, с. 227], что ассоциируется у нее с семейными проблемами, а позже и катастрофой. Вторая часть «маз[ао]» обращена к христианскому обряду помазания. Также очевидная оппозиционность этой фамилии к фамилии Богомазов, которая может трактоваться как иконописец, так и Божий помазанник [10]. Тогда, исходя из этого, семантика сегмента «карамаз» может прочитываться как «черный помазанник». Отмечается Т. Бондаренко и тот факт, что Ф. Достоевский планировал все же написать следующий роман о младшем Карамазове, революционере и террористе, в свете чего важную роль могла бы сыграть переключка фамилий Карамазов – Каракозов [10]. Но первая часть «кара» этого антропонима имеет также славянское происхождение и означает ссора, нареkania и, конечно, наказание, а с другим ударением «корить», то есть «упрекать». Так вот, нам больше импонирует этимология фамилии братьев Карамазовых как «помазанных карой», потому что каждый из них искупает свой грех и стремится к воскресению, каждый из них ищет свой путь к спасению, часто не осознавая этого.

В хронотопе романов Ф. Достоевского, а особенно в «Братьях Карамазовых», также заметны черты евангелического произведения. М. Бахтин подчеркивал, что Ф. Достоевский видел свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени, а в его произведениях нет непрерывного исторического и биографического времени [1, с. 33]. Относительную вневременность увидел В.В. Розанов в романе «Идиот», который, по крайней мере, по мнению философа, привязан к волнениям действительности, где все фантастическое, и это фантастическое – свет звезд, которое падает на нашу серую действительность из далекого будущего [11]. В «Братьях Карамазовых» тоже можно проследить эти особенности, отметив, что неакцентированное наличие различных временных типов усиливает «основное» время романа, сакральное, которое приводит жаждущего к источнику спасения.

Заключение

В заключении можно сделать вывод, что, будучи хорошо знакомым с эстетикой и поэтикой евангелических текстов, Ф.М. Достоевский использует в своих поздних романах, в частности в «Братьях Карамазовых», евангельские сюжеты. То есть, в отличие от носителей секуляризованного сознания для Ф.М. Достоевского это отрасль «практического христианства», живой религиозности, которая непрерывно продолжается в Церкви и немислима без них, оставаясь незаменимым источником вдохновения и опыта. Но при этом наблюдается и обратный процесс, когда тексты русского православного писателя всем поклонникам его творчества, независимо от конфессиональной ангажированности, дают мощный импульс к познанию и более глубокому пониманию основ христианского вероучения и христианской аксиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300, 466–505.
2. Гроссман Л. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 544 с.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Дрофа, 2003. – 912 с.
4. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского / Н. Бердяев Философия творчества, культуры и искусства в 2-х томах, т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 511 с.
5. Назиров Р.Г. Специфика художественного мифотворчества Ф.М. Достоевского: сравнительно-исторический подход // Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 189–198.
6. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 289–323.
7. Гроссман Л. Поэтика Достоевского. – М.: ГАХН, 1925. 188 с. https://imwerden.de/pdf/grossman_poetika_dostoevskogo_1925.pdf.
8. Элиаде М. Священное и мирское/ Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
10. Бондаренко Т.А. Антропонимия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции. Автореф. дисс. ... уч. к. фил. наук. – Тюмень, 2006. 15 с.
11. Розанов В.В. О Достоевском // Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1996. 702 с.

Proskuriakov Maksim Ruslanovich

Shandong university, Shandong, People's Republic of China
School of foreign languages and literature
E-mail: mpros@yandex.com

Gospel stories in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov"

Abstract. At the present stage, the dominant aspects of the transformation of gospel stories and images, the peculiarities of their functioning in the literary context, are becoming the subject of numerous studies. The problem of using gospel stories in fiction is gaining relevance in new socio-cultural conditions. The multifaceted versatility of the gospel plot-figurative material becomes the basis for the emergence of new literary versions of the New Testament events, which makes it possible to rethink the significance of the biblical heritage every time. The polysemy semantics of traditional structures serves as a material for the study of many modern literary scholars, philosophers and cultural scientists.

The purpose of the research is to analyze the use of New Testament plots in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov".

The article examines the polysemy of traditional plots, images and motives, presents the process of creative literary processing into various structural and semantic connections in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". It has been established that an appeal to biblical themes, the interweaving of gospel motives and plots into a work are the most important meaning-forming of this work.

On specific examples, the imagery of the novel is analyzed in the context of gospel analogies, the presence of directly gospel images and texts in the work is established. It was established that in the texts of F.M. Dostoevsky, seemingly incongruous things are present: criminal stories with gospel legends, an adventurous plot with a sermon, melodrama and naturalism, philosophical reflections and pastoral teachings. Behind all this, the real spiritual depth of a person appears, a real attitude to God, real ideas that the heroes live with.

Keywords: gospel stories; analogies; artistic and stylistic inclusions; polysemy of images; anthroponyms